

ЗАПИСКИ СУДОМОЙКИ

- Стучи в открытую дверь!
- Вы мои зубы не видали?
- Senora, senora! Parlari italiano. Bella, bella, bella!
- Почему без формы? Черный низ, белый верх, чтоб завтра!
- На помощь! Умираю! Кто-нибудь! Я этого не перенесу!
- Последний раз говорю – прекрати бегать! Кругом погляди – никто не бегают.
- Молоко остается – не выливай!
- Все выливай! Гигиены не знаешь!
- Что за улыбки? Ничего смешного! Вы уволены!
- Misericordia, per favore!
- Ну наконец-то. Сколько можно ждать! Чай я закончил. Кати меня в туалет.
- Так вы тоже из Индии, милочка?
- Куда полезла! После прачечной в кухню нельзя! Перчатки меняй! Фартук меняй! Все меняй!
- Видишь эту леди в каталке? Тоже, бегала всю жизнь. Чемпионка по бегу.
- Не имеешь права пить кофе на кухне!
- Категорически запрещается оставлять незапертые двери!
- Аааа, откройте, откройте, дверь откройте! Какая сволочь туалет снаружи закрыла?
- Побольше печенья в комнату для сотрудников!
- Много не клади, мы персонал не кормим!
- Это что же такое на ногах у тебя? Я сама вижу, что обувь! Почему цвет такой вызывающий? Босоножки запрещены! А если твои носки из Департамента увидят?
- Питер! Ты в туалете, Питер!
- Чертова Австралия! Зачем я сюда приперся...

Человек не кошка. Ко всему привыкнуть может. Вчера стучалась в шкаф, прежде чем дверцу открыть.

А вот хорошо бы жить где-нибудь, где вообще людей никаких нет. И в домах нет, и на улицах нет, и улиц самих нет, и домов тоже, а только все земля, земля... Горох пойду завтра куплю, он тут называется боб. Баб.

Вчера постороннего кота встретила. Вежливый. Сидел на заборе и ждал, чтоб погладили. На ошейнике бирка: Сити Глен Эйра. Срок годности 3.01.2002. А на дворе февраль 2003. Все ясно! Муниципальный кот, к тому же просрочен. Баклажан раза в два толще. Оно и понятно: наш-то импортный, срок годности – апрель 2004.

Говорят, никогда нельзя компьютер крестить, а то работать перестанет. И святой водой нельзя. А кофе – ничего. И спрайт диетический можно. Я уже два раза пролила. Главное чтоб без сахара.

Тут вопрос еще срочный, а как сейчас в Москве с полнолунием? Работает? Потому что вчера вышла дискуссия: полнолуние, оно только с одной стороны, или кругом

одновременно. Или, допустим, в капстранах – регулярно, а у нечленов ЕЭС – от случая к случаю. Проверь тщательно.

Вообще у сотрудников nursing home большая убедительность к людям появляется, я это заметила. Баклажан, тот сразу орать прекращает, как я домой прихожу. Посуда всегда теперь чистая и мокрая, а лица заискивающие и блудливые.

...в понедельник в Москву одна тетка летит, и если ты знаешь что-нибудь маленькое, чего есть в Австралии, но не деньги, дай знать – я пришлю.

Сегодня обсуждали, чего дарят в 18 лет. У ребенка бездник, надо что-то решать. Подарочный набор к совершеннолетию: двухтомник Аристотеля (текущий муж предложил), надувную девушку с подогревом (с братским приветом от Баклажана) и хороший кожаный ремень (для штанов), от дедушки.

А на работе мне была выволочка. Одежда моя плохая. Черный низ – белый верх, и чтоб с воротником: такая форма. На улице 35, меж тем. Ну, блин, будет им форма. Я за 2 доллара в секондхенде купила чего просят: с воротником. Воротник и три пуговицы. Больше, правда, ничего. Ну, на чем пуговицам держаться есть, а больше ничего. Спины нет почти совсем, и на животе тоже, без излишеств. Это для жары, специально.

И Дороти, шеф-повар, она сразу это оценила высоко. То есть прям на пороге это оценила. А что? Белье у меня красивое, итальянское. Не знаю даже, что ей больше понравилось – воротник с пуговицами или это, итальянское. Выступала она минут пять. Смысл такой, что в этой прекрасной одежде я смело могу искать новую работу.

А что случилось? Ну, посмотрят старички некоторое время на плохо одетую тетку, и что? Ничего нового для себя они не увидят, определено. Они и вообще мало чего уже различают. Так чего орать-то.

там один такой старичок есть... Такой, значит, Джонни. Там вообще это принято, попросту так, по-детски: Давайте, девочки! Умница! Еще глоточек!

А девочкам под стольник катит.

Так вот, Джонни – womaniser. Бабник, по-нашему. Ему ланч приносишь, а он:

– Я ланч не хочу! Я тебя хочу!

84 года ему. Самое время.

– Шас, – отвечаю. – Обязательно. Вечером приду, жди.

Потом надоело уже слегка. Не знаю я, чего там у них принято отвечать.

– Какая ты красивая...

– Да ладно, говорю, Джонни. Красоту, ее, известно, не пропьешь. Ты и сам – прям глаз не оторвать. Кофе пей давай.

– Не хочу кофе. I want you.

– Ладно. Согласная я. Но сперва кофе.

А там сиделка соседнему овощу колеса какие-то запаривала. Она аж подпрыгнула:

– Ты чего ему сказала-то?

Я, – говорю, – кофе пить велела. Маленькими глотками.
Теперь думаю. Если клюшка стукнет, может, они сами меня выгонят? Неуставные отношения. А?

Да выкинь ты этих попугаев своих. Ну, суп свари, на крайний случай. Ты знаешь, как они орут? Ты знаешь, как они гадят? Ты даже не знаешь, какие они негодяи. Вот у подружки моей попугай. Феликс. Австралийский, ясен перец. Откуда здесь другому-то взяться. Живут эти кулебяки красноухие лет по сто. А Феликсу самому полтинник. Его взяли еще когда Лиз в школу ходила. Теперь у нее уже внуки. Так эта зеленая мочалка по-прежнему каждый день верещит: Елизабет! Иди в школу! Или просто орет, как сломавшаяся дрель. А потом, нежно так, лживо: You ok?

Ну, свершилось наконец-то. Нашли! Нашли сегодня в Австралии кости исполинских гусей. Гуси весили килограммов по 300-500 каждый. Их почти сразу съели. Это случилось 8 млн лет назад. С тех пор тут все такое крупное. Детсадовцы любереидных габаритов, морковка на килограмм штука. Клубника такая, тоже... Ну, типа яблока, размером. Вкусом, впрочем, тоже. И яблоки величиной с голову шестимесячного младенца.

А по ночам в кустах гуси тихо переругиваются с поссумами. На пруду. Га-га-га!

В мини-юбке не ходить никогда, штаны длинные и широкие, рубашка с воротником и длинным рукавом, голову накрыть, украшения снять, ботинки солдатские. Плеер выключить, наушники вынуть, не бегать, не прыгать, не танцевать. Че, монастырь, что ли?

– Почему юбку-то нельзя?

– В таких юбках не все могут ходить, другим обидно. Все должны выглядеть одинаково.

Ну, ясное дело, одинаково: им до пенсии пятнадцать секунд. Щетки старые.

Одно утешает – что мы живем теперь на улице Кокарибб! Пес его знает, чего это за зверь такой местный. А звучит хорошо.

У нас хакер завелся, сервер нам подломил. Сетка дома, на четыре компа, все упало. Теперь надо защиту строить. Вчера один хухем приходил, поставил: Линух Параноик называется. Ну, вещь! Действительно никого не пропускает. Админа тоже.

В доме престарелых масленица. Дороти пекла блины. Конечно, это не настоящие блины, а так, вроде оладьев. У них считается очень изысканной пищей, все старички просили добавки.

Паша предлагает хакера легализовать – дать ему постоянный вход, лимит на скачивание и вообще некоторые права. В обмен на то, чтоб тот свалил этот чат, в котором сын мой круглосуточно торчит.

Надоело быть судомойкой. Героизм уж не приносит прежней радости, а раздражительность ужасная.

В воскресенье (а равно и в субботу), а также в праздничные дни капиталисты платят в полтора раза больше. Так что по воскресеньям работать никто не заставляет. Хочешь – работаешь, хочешь – не работаешь. Мир чистогана! А я, конечно, хочу

денег, и как можно побольше. Тем более, что я судомойка и прачка за одну зарплату. Компания на мне экономит. Я ей помогаю, компании. Без меня они б давно по миру пошли. В общем, я на все соглашаюсь, чего предложат. Ну, потом, конечно, жалею. Работу, однако, не бросаю. Это такой психологический парадокс у меня, вот что.

Тут открылся русский женский клуб. Там различные секции. Секция Мудрости, секция Благодати. И небольшой факультатив по укреплению интеллекта.

Вообще физическая работа настраивает на решительный и непримиримый лад. Взял мокрое полотенце – и хлопнул врага. В повседневной жизни заметно повышается эффективность общения. Правда, умственные усилия становятся все непосильней. Но мне уже недолго. Мне еще лет 20-30-40 отмотать... И тогда я смогу остаться в nursing home навсегда.

Муравьи окончательно достали. Они зашли со двора, влезли в шкаф и нашли мед! И гречку нашли, что даже дороже меда. Ну, все. Я пошла и купила спрей за 7 долларов. Дорого конечно. Как только я принесла отраву домой, эти заразы, эти мелкие сволочи, эти ползучие антисемиты побросали свои объедки и свалили в сад. Спрей так и стоит запечатанный. Вот же ж, а?

С работы прихожу – падаю. Сплю. Просыпаюсь, когда сожителю начинают искать себе корм. Встаю, чтоб обругать сожителей и объяснить, где взять корм. Кормлю сожителей, потому что сами они съедят не то. Потом еще немного ругаюсь и снова падаю.

Потом встаю, чтобы объяснить, как правильно кормить и воспитывать кота. Закончив объяснения, кормлю кота сама. Потом некоторое время ругаю кота меховым мешком и другими плохими словами, затем отпускаю на двор. Падаю. Сплю. Приходит Паша. Обзываю Пашу плохими словами и отпускаю на двор. Сплю. Приходит Паша. Встаю и кормлю кота, у которого первый завтрак. Паша ложится спать. Я начинаю раскладывать рекламу. Delivery делать, понял?

А носки на пол бросают различные подлецы, которые никогда не стирают. Они теряют носки, как опавшие листья, а я хожу и собираю падаль в пакетик, вроде собачника за своими питомцами в парке. Не, ну есть справедливость в мире, а? Постриглась. Парикмахерша полька. А я дура. Попросила подкрасить. Чуть-чуть. Ну, если это чуть-чуть, то я тогда не знаю. Не, когда голова мокрая, то ничего. Похоже на несвежего ондатра. А когда высохнет... Вот артист есть, Буйнов, не помню имени его. Знаешь, такой, здоровенный. На голове у него перекисный ежик, а харя кирпичная. Совсем как моя, тут солнце сильное. Ты можешь себе понять, что это такое: утром и вечером видеть в зеркале артиста Буйнова? Чего теперь делать-то? Мне снился хороший сон. Мы с одним молодым человеком стояли в очереди за надгробиями и любезно беседовали. Большая очередь, надо было себе памятник купить, почему-то он уже с надписью, готовый.

Нет это просто ужас какое свинство. Когда был дан приказ: есть курицу! – он ночью, тайно, как подлец, жрет сосиски. Как можно жить с таким человеком? С таким человеком жить невозможно. Это предатель, а не человек.

А с утра эта кибитка мусульманская че-то докапывается, почему я не все штаны стираю, а только самые грязные, и везде подсматривает, хотя ее бизнес – колбаски на кухне крутить, а в прачечную не соваться. И тут я понимаю, что американцы не так уж неправы, насчет Ирака. На звуки дискуссии сбегаются другие видные мусульмане и в обстановке большого азиатского базара я окончательно срываюсь с резьбы и радостно ору, ни секунды не затрудняясь в английских ругательствах.

Тут, кстати, лисы летают. Маленькая красная летучая лиса. Ест инжир.

Вчера водила Пашу в бассейн. Он был сильно удивлен. У него был вид кота, который обнаружил, что попасть в таз с водой еще не смертельно. Он там очень осторожно перебирался по дну и глупо улыбался, натываясь на девушек.

РФЗЗН ИШКЕРВФН

В nursing home бездники проводятся так. Дороти делает sake. Sake это кекс. Сверху намазывают взбитых сливок. Если родился диабетик, то без сахара. Еще втыкают один бенгальский огонь. Раньше были свечи, но пожарная охрана запретила. Два бенгальских нельзя – экономия. Так что я беру спички, один бенгальский, зову Кларенса, нашего уборщика (он изображает толпу гостей) беру кейк и мы чешем к новорожденному.

Там я зычно ору:

– Глэдис! Глэдис! Глэ-э-дис! У тебя день рожденья, слышишь! Глэдис! Сюда смотри. Смотри, что я тебе принесла! Перестань спать!

Когда клиент несколько очнется, я зажигаю бенгальский огонь и мы с Кларенсом хором начинаем петь: Happy bithday to you! Happy bithday to you!..

Поем мы с каждым разом все душевней. Это потому так получается, что Кларенс умеет пить водку, хотя сам из Шри Ланки. Не, на работе пить нельзя. Я вообще говорю, про водку. Вспомнилось. Когда песня кончается, я быстро отрезаю кусочек sake, кладу на тарелочку и тут же сматываемся, потому что идет Кэрол, наш менеджер, а ей всегда кажется, что мы слишком много бенгальских огней жжем и мало работаем.

Как ты родился, я прочитала всем. Теперь все знают, как это получилось. Это получилось очень искренне. Большое спасибо тебе за это.

А вот я тут подумала. Ночью, когда офисы перестают работать, надо бомжей туда запускать, для ночлега и охраны от посторонних. Поэтому конторы никогда не запирают. В 8 утра бомжи уходят, чтоб не мешать началу рабочего дня. По выходным отбросы общества могут в конторе помыться, постираться, устроить вечеринку. Ясно, что бродяги, находясь в учреждении, чувствуя доверие общества и огромную личную ответственность, совершенно прекратят пить, курить и ругаться матом. Одновременно городские бюджеты и частные фирмы сэкономят колоссальные средства.

Кошки лысеют в первую очередь от нервов и несчастной любви. А уж потом – от неправильного питания.

ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ ИСХОД

Паша анкету заполняет, а там вопрос: ваш партнер скончался? Да или нет? Он говорит – чего писать (слово «deceased» ему незнакомо). Я говорю: напиши – «еще нет. В процессе».

Джонни сидит в коридоре. Пижама, зимняя куртка, шляпа, очки, нагрудный фартучек, беленький. И цепляется ко всем мимошныряющим теткам. А в каждые десять минут их там по пять штук пробегают.

– Мне б сбросить годков пятнадцать...

– Какая красавица!

– Пять долларов дай?

Потом все слиняли, а я все бегаю: туда-сюда. А Джонни сидит.

– Че ты все бегаешь. Спать хочешь?

– Э, тормози, тормози! У меня новый телек. Пошли, покажу.

– Смотри, какая кровать. Удобная...

В общем, достал он меня.

– Я, – говорю, – твоя галлюцинация. Понял?

Господи, когда ж я получу эти чертовы права. У меня новый инструктор. Кушает 75 кенгурей в неделю. Скромный.

– Ехайте, ехайте. Быстрее ехайте! Влево перестраивайтесь.

Куда это вы теперь разогнались? Нужно включить левый поворотник и задуматься. Вам сказали перестроиться. Значит, скоро с вами захотят поехать налево.

Вот еще Лесли, скажем. У него обычно наушники на ушах – CDplayer он слушает, с хард роком, и одновременно телевизор орет так, что хоть святых выноси. Якуб, ему все до дверцы, он только тихо повторяет – спасибо вам огромное за еду. Только мне нечем заплатить. Сколько я вам должен?

А о чем думает Вильям, неизвестно, потому что он все молчит. А когда я приношу ему чай с булочкой, всегда немного удивляется – это что, же, все мне?

Сегодня Лесли объявил – попо люблю. Принеси.

– Ладно, – говорю.

Я ему фрукты ношу, иногда. Сад, – говорю, – у меня в Квинсленде.

Попо – это фрукт такой. Размером с дыню и пахнет мокрыми носками. Пау-пау. Наверное, это папайя по-русски. По мне, так страшная гадость. Но тут считается очень изысканным – вкушать попо по утрам. Лесли сильно русской культурой заинтересовался, после того как про сад мой узнал.

Захожу с утра, он ногу мне протягивает, кокетливо. Ну, пожалала я ногу его, в носке. Здравствуй, – говорю, – яблоко. Лесли засмутился. Понравилось ему, значит.

На днях купили в супере молодой кокос с молоком. Попробовать. Долго ковыряли его ножами, а потом рассверлили ручной дрелью. Тут мы сильно ошиблись, вот что. Пахнет круче попы по утрам. Выкинула я на это дело 4 кенгурия. Никогда так не делай.

Дополнительно сообщаю, что сегодня мне удалось допрыгнуть до потолка одной рукой. Теперь разрабатываю вторую.

- Джонни, ты коммунист?
– Нну... Бывает иногда... По утрам особенно. Придешь попозже?
– Не могу. Я теперь тайная мусульманка. Нам этого нельзя, с коммунистами. Аллах запретил.
– Подожди, не уходи. А я красивый?

Вот и пришел на нашу землю день австралийской матери. В nursing home поздравляли всех без разбору: мать там, или, к примеру, отец. Матерям давали праздничное мыло, отцам – шоколадки. Вот тут неясно, почему неравенство. Что, отцов уже не отмоешь, только корми знай?

Джонни съел шоколадку свою, потом свистнул соседову (соседу по барабану), потом принял ту, что на добавку дали. А потом уже попросил у меня добрым голосом дать че-нить пожрать.

Я говорю – ты чего, отец? Еще шоколаду, что ль, нести?

А он отвечает – нет. Шоколад – это ж разве еда. Мне бы курочки... Или сэндвич. Ты, кстати, классно выглядишь сегодня. Курочки дашь?

Хватит про nursing home, вот что. Тут важный проект родился. Новая концепция охраны государственных границ. Позволит разгрузить военный бюджет, потому что отпадает необходимость в пограничниках.

Сначала путем несложных калькуляций определяется геометрический центр страны. В эту точку вкапывается столб. (Учитель математики у нас любил спросить так, с хитрецей: а от чего вы ведете отсчет? И сам же себе отвечал: от столба!). К вершине столба насмерть прикрепляется длинная и толстая веревка. Даже лучше металлический трос. Длина троса должна доставать как раз от центра до государственной границы. На свободном конце троса закрепляется большая чугунная гиря.

Дальше все интуитивно ясно: гиря раскручивается (моторчиком) и, постоянно вращаясь вокруг геометрического центра страны, обеспечивает перманентную автоматическую охрану границы.

Причем! Можно закрепить два, три или n тросов с соответствующим числом гирь. Гири, свободно пролетая друг за другом по рубежам Родины, надежно защитят страну. Быстро пробегая в промежутках между пролетами гирь, желающие смогут пересекать границу в нужном направлении. Необходимость в таможене практически отпадет, потому что при достаточной частоте следования гирь протащить за рубеж что-то действительно большое станет невозможно!

У меня и другие проекты есть. Пока штаны стираешь, мысли так и клубятся. Вот, например. Недорогое и экологически безвредное авиационное оружие точечного поражения. Очень просто: свинцовый кирпич. Истребитель загружается кирпичами и летит на бомбежку. А потом крестьяне собирают использованные бомбы в корзинки.

Я ПАМЯТНИК СЕБЕ

С авторскими правами у меня отлично. В смысле, не беспокоят. Недавно я даже размышляла на эту тему. Что, думаю, будет, если, например, кто-то похитит мои

проекты и просто сочинения и издаст их под своим именем. Тут же, конечно, гордость немедленно проснулась – во, правильно! – крадут только у тех, у кого есть чего красть! – такие мы, простые великие писатели. Понапишем невесть чего, а остальные знай воруют. Потом как-то вспомнилось, что никто ничего не крадет. А просто не спохватились еще, вот что. Оно и лучше. Но я в любой момент докажу авторство. Вон у меня сколько вариантов одного и того же!

А вот интересно, можно ведь программу сгенерить, которая эти черновики шмалить будет за милую душу, пачками. А еще я где-то читала, что если посадить обезьяну за пишущую машинку, то через 10 в энной степени лет она напишет: Роняет лес багряный свой убор... Чего-то скучно про это думать. Вообще не люблю обезьян. Суетливые они какие-то. Верещат, жадничают. Хуже газонокосилок. Так что авторские мои права всегда при мне. Кому они на фиг нужны-то.

Паша звонит: Дорогая, ты ушла на работу и забыла свой красный фонарь! Тебе подвезти?

Да ладно, ничего особенного. Фонарь – для велосипеда. Чтоб вечером по шоссе ехать.

На работе Джонни, ну, я писала. Пытается дверь открыть наружную.

– Джонни, ночь на дворе, нельзя выходить. Пошли, я тебя в кровать провожу.

Бредем в обнимку.

– Слава богу, что ты не из оппозиционной партии. А где автобус-то здесь?

Тут из-за поворота выруливает Рон, в велосипедном шлеме. Рон, он ваще в тумане всегда. Весь искривленный, двигается боком, и время от времени беззвучно валится на пол. Джонни резко тормозит:

– Осторожно! Смотри, шпик! Это за нами. Быстро назад!

– Здесь медленно едьте. Что это вы не в настроении сегодня?

– А чего эта швабра дурой обзывается!

– Ну-ну, не расстраивайтесь. Зато у вас ноги длинные.

Обещала уволиться. Теперь все за мной ухаживают, делают мою работу, часто кормят и уговаривают остаться. Говорят, будет хорошо.